

К 100-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АКАДЕМИКА ВАСИЛИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА СТРУВЕ *

В чрезвычайно разносторонней научной деятельности академика В. В. Струве, длившейся почти шесть десятилетий, египтология занимает особое место: с нее он начал, она принесла ему мировую известность, она же обеспечила ему и почетное место в мировой науке. Даже много лет спустя после того, как он перестал работать в этой области, в годы войны, когда за рубежом распространились ложные слухи о кончине В. В. Струве, замечательный американский востоковед Олбрайт выразил свое сожаление, говоря о нем как о безвременно скончавшемся молодом египтологе. Василий Васильевич в годы войны не был, однако, молодым и уже не был египтологом. «Не был», т. е. не работал в качестве египтолога. Что же касается интереса к Египту, начитанности в текстах и осведомленности в текущей литературе, то Василий Васильевич сохранял это всю жизнь.

Сделать в египтологии В. В. Струве удалось немало, это общеизвестно. Удивляет, однако, то, что из всего периода его научной деятельности на эту науку приходится около трети. И при этом надо учесть, что даже в те годы он занимался и ассириологией, к которой в начале 30-х годов (отдельные публикации по ассириологическим дисциплинам относятся и к более раннему времени) он окончательно переходит. Более того, два десятилетия, в течение которых он работал как египтолог, приходятся на 10-е и 20-е годы, так тяжело пережитые страной и всем миром.

В. В. Струве принадлежит к роду, представители которого с XVII в. (если не с XVI в.; Д. П. Каллистов и А. И. Доватур где-то «раскопали» немецкую книжку, содержащую родословие Струве за несколько веков) в большинстве были учеными и врачами. Немало славных имен может представить русская ветвь. Среди них, конечно, имя основателя Пулковской обсерватории и одного из издателей Географического общества В. Я. Струве, имя К. К. Клауса, открывшего химический элемент, названный латинизированным именем России — Рутений: рутений. А. И. Доватур справедливо говорил о них «академическая аристократия» — единственный контекст, где это слово имеет положительное значение и в наш век демократических идеалов.

В какой-то мере гуманитарные интересы В. В. Струве — нарушение семейных традиций, где предпочтению отдавалось астрономии, математике, статистике и т. д. Проявились они очень рано, но не к Египту специально. Этот интерес пришел уже в университет как модификация первоначальной программы, которая имела целью изучение русской истории. Читавший в те годы курс истории древнего Востока Б. А. Тураев сумел увлечь Египтом довольно большую группу талантливой молодежи.

В какой-то мере гуманитарные интересы В. В. Струве — нарушение семейных традиций, где предпочтению отдавалось астрономии, математике, статистике и т. д. Проявились они очень рано, но не к Египту специально. Этот интерес пришел уже в университет как модификация первоначальной программы, которая имела целью изучение русской истории. Читавший в те годы курс истории древнего Востока Б. А. Тураев сумел увлечь Египтом довольно большую группу талантливой молодежи.

* Редакция благодарит дочерей Василия Васильевича Н. В. Струве и О. В. Струве за предоставление фотографии В. В. Струве из семейного архива.

жи (далеко не все имели целью карьеру египтолога, например М. А. Вильев, известный астроном), в составе которой был и В. В. Струве. В те же годы учился у Тураева и П. В. Эрнштедт, но он занимался только коптским языком.

Решившись специализироваться у Б. А. Тураева, В. В. Струве не мог пройти мимо семинара замечательного историка древности М. И. Ростовцева, работавшего над документами (греческими) эпохи Птолемеев и Империи. Влияние этого семинара на него громадно (любимое слово Ростовцева, как видно, бессознательное отражение масштабов его личности). Нельзя, однако, недооценивать и семинар А. С. Лаппо-Данилевского, хотя он посещал его сравнительно недолгое время.

По окончании, оставленный при университете, Струве имел право на летний семестр в Берлинском университете. Его поездка, однако, пришлось на лето 1914 г., последнее лето мирного времени. Успешно начав там занятия, В. В. Струве должен был сделать небольшой перерыв. Он едет в Петербург для женитьбы на М. Л. Богородской, с тем чтобы вернуться в Берлин вместе для продолжения своей стажировки. Но это было уже невозможно.

Несмотря на краткость его занятий в Берлине, они дали ему как египтологу очень много: Египетский музей, великий мастер египтологии Ад. Эрман, Г. Мёллер и др. С особой теплотой Струве всегда вспоминал Эд. Мейера, пожалуй, единственного универсального историка древнего мира. Как ни коротко было ученичество Струве в Берлине, интересно, что и он обратил на себя внимание. Эрман в своем автобиографическом труде из числа далеко не столь малочисленной группы русских, учившихся у него, выделил только двух: Тураева и Струве.

В Петербурге, ставшем теперь Петроградом, Струве начинает службу в университете (она длилась до его кончины) и в Эрмитаже. В Эрмитаже он оказывается преемником и в какой-то мере сослуживцем самого В. С. Голенищева, первого русского египтолога. Когда пишущий эти строки приехал впервые в Ленинград в 1950 г., Струве уже был единственным из тех, кто был лично знаком с Голенищевым. Но в то время уже не было никого, кто бы видел знаменитый голенищевский музей на Моховой, 15, приобретенный казной в 1908 г. Премственность эпохи!

Ученая деятельность В. В. Струве началась очень рано, еще в студенческие годы. В 1912 г. выходят его первые труды: издание коптского папируса из коллекции Б. А. Тураева (годы спустя по поводу этого издания несколько любезных слов ему напишет В. Ю. Крам, крупнейший коптолог нашего времени) и исследование о всемирно известных сфинксах перед Академией Художеств.

Служба в Эрмитаже заставила В. В. Струве присмотреться к отдельным памятникам этой небольшой, но все же прекрасной коллекции. Удалось кое-что уточнить, решить ряд вопросов, подготовить некоторые из вещей к изданию. Результаты этой работы опубликованы им в начале 20-х годов. Помимо эрмитажных он издавал и памятники из коллекции Н. П. Лихачева.

В центре его интересов, конечно, — папирус № 1116, два политических трактата эпохи рубежа III и II тыс. до н. э. Только что изданный В. С. Голенищевым, который открыл его более 30 лет назад, и переведенный А. Х. Гардинером, он вместе с другим папирусом в Лейдене, также незадолго перед тем изданным Гардинером, описывал какую-то эпоху в истории Египта, характеризующуюся радикальными переменами, потрясениями, сдвигами. В противоположность современникам, не склонным принимать это описание слишком серьезно, Струве подошел к нему как к свидетельству переломного события в истории Египта, ключевого для понимания периодов «до» и «после». Едва ли будет ошибкой сказать, что на оценку им этого момента египетской истории повлияло то, что переживала тогда наша страна. В 1918 г. в зале Девриз на Васильевском острове он выступает с публичной лекцией о социальной (так тогда принято было говорить) революции в древнем Египте. Впервые в так называемой «эпохе фараонов», которую описывали по схеме «такой-то царь в такой-то год», приоткрылся живой и масштабный исторический процесс, удалось почувствовать историю страны, а не историю династий.

Напечатать, однако, тогда же В. В. Струве ничего не сумел. Между тем революция 1919 г. в Германии открыла на указанные события глаза и Ад. Эрману. Результатом стало знаменитое исследование «Предостережения египетского мудреца», в котором учитель В. В. Струве пришел по существу к тем же выводам, что и его ученик в Петрограде. Эта работа Эрмана стала этапной в науке об истории Египта. Последующие публикации по вопросу, сделанные В. В. Струве, этого соотношения не изменили. Он, правда, предлагал совершенно иную датировку событий, но поскольку в своих работах на немецком языке он упомянул об этом лишь однажды, да и то вскользь, а работы на русском языке не читались, эта его позиция осталась незамеченной. Зато в 60-е годы он имел удовольствие видеть, как к аналогичным выводам и в этом отношении пришел американский ученый Ван Сетерс и с каким энтузиазмом были встречены эти выводы.

В 20-е годы В. В. Струве работает над трудом о Манефоне. Необходимость такого

труда была очевидной, несмотря на работы ряда предшественников. Напечатанный только по-русски, да и то не полностью (при том, что отечественные издания по тем или иным причинам за границу не попадали или попадали в очень малом числе), этот труд не учитывается мировой египтологией. Однако, когда М. А. Коростовцев осветил вопрос из числа поданных Струве в одном из зарубежных изданий, в печати («Лексикон египтологии») было высказано сожаление, что эту работу не знают. Аналог ей, конечно, известная книга В. Хелка, вышедшая в середине 50-х годов.

По совершенно непонятной причине и Струве, и Хелк, и автор самого нового обзора материалов по Манефону в «Лексиконе египтологии» (Майнц, ФРГ), да и вообще никто в египтологии, без единого исключения (наваждение какое-то!), не учел, однако, арабского Манефона. Серьезнейший просчет! Пишущему эти строки помнится, впрочем, что в 50-е годы В. В. Струве выступал на какой-то конференции по Бируни или в издании, но никаких сведений об этом нет в библиографии (С. Д. Милибанд). Между тем Бируни именно и сохранил древнейший на арабском языке список царей из труда Манефона (список ограничен только III томом этого труда). Во всяком случае в русском переводе сочинений философа список не был распознан.

Один из разделов исследования о Манефоне получил, впрочем, самую широкую известность в египтологии. Этот раздел об эре «от Менофри», или «Менофреса», которую до сих пор толкуют чрезвычайно различно. Предложенное В. В. Струве объяснение заставляет, однако, с собой считаться до сих пор. Глава египтологии в течение большей части столетия, Гардинер, находил его остроумным (clever). Знавшие Василия Васильевича здесь не могут не улыбнуться, вспоминая его любимое изречение, замствованное, кажется, у П. К. Коковцова: «Scharfsinnig! ... aber nicht überzeugend». Вторая часть фразы, конечно, к его объяснению нисколько не относится. Только scharfsinnig!

Большой интерес представляют и наблюдения над папирусом Харрис, и объяснение равенства имен Урдамани (клинопись) — Тануатамон (иероглифика) (Тальтамон по Струве). Последнее заставляет вспомнить слова Е. фон Цейсль, автора весьма полезного труда об эфиопах и ассирийцах в Египте в пору XXV династии. Говоря об имени царя эфиопов Тануатамона, которое в ассирийской клинописи передается как Урдамани, она пишет, что в этом невозможном, совершенно несводимом равенстве свет открылся впервые только благодаря объяснению В. В. Струве. А ведь ее работа вышла в свет в 1943 г., когда шла жесточайшая война между странами. Надо сказать, однако что объяснение это справедливо при одном условии: то клинописное «Урдамани» передает именно иероглифическое написание «Тануатамон», как в это твердо верили все предшественники В. В. Струве и он сам.

Трудно, разумеется, в небольшом обзоре упомянуть все. Важные выводы могли быть и не выделены в специальную работу. Взять хотя бы в статье о папирусе Харрис правильное прочтение имени царя Себек-ем-са-фа в протоколе по делу о разграблении царских гробниц. Оно должно учитываться всеми египтологами. Независимо от Струве, но на пять лет позже его прочел Т. Э. Пит. Или, например, взять в рецензии на книгу Киница о позднем Египте датировку эфиопского похода Исамметиха II.

Но главное во всей египтологической деятельности В. В. Струве, вне сомнений, — издание математического папируса Голенищева, древнейшего в истории человечества научного сочинения. Папирус этот, вернее, дело его издания, конечно, — «наследство» от Б. А. Тураева, который начал работу над ним. Тураевым же и была издана одна из задач этого папируса, которая оказалась настолько важной для истории математики (в рукописи XVIII в. до н. э. обнаружено корректное решение задачи, которую в Европе сумели решить лишь в XIV в. н. э., т. е. по крайней мере три тысячи лет спустя), что папирус вызвал к себе интерес во всем мире и откладывать его издание было уже невозможно.

В. В. Струве и осуществил это издание и сделал это прекрасно. С помощью известного историка науки О. Нейгебауэра, включившего книгу Струве в издаваемую им серию «Источники и исследования по истории математики» (т. I), ее удалось издать в Берлине. Прекрасные репродукции, великолепные иероглифические таблицы (каллиграфическая работа Ю. Я. Перепелкина, вызвавшая восхищение рецензентов книги), чрезвычайно обстоятельные исследования и комментарий и, конечно же, перевод и, едва ли не самое главное, — транскрипция. Тот же Пит, рецензент и оппонент Струве, особо отмечал транскрипцию ввиду очень большой сложности среднеегипетского делового курсива, которым написан папирус.

В результате издания науке стал доступен исторический и историко-культурный документ огромной важности. Доступен для всестороннего интернационального изучения. В истории отечественной науки это издание сопоставимо только с публикациями В. С. Голенищевым его собственных и армитажных папирусов, каждый из которых — зесомый вклад в сокровищницу мировой культуры, а не только в фонд египтологии.

В конце 20-х годов заканчивается египтологическая деятельность В. В. Струве.

События 1929 г. и последующих лет втягивают его в дискуссии 30-х годов о формациях на древнем Востоке, заставляют переключиться на писание вузовских учебников по древнему Востоку (и это ученого, способного осуществить издание древнейшего математического сочинения; как тут не вспомнить блоковское «нам платят за то, чтобы мы не делали то, что мы должны делать!»). Эти задачи все более увлекают его в ассириологию, которой, впрочем, он усиленно занимался и в 20-е годы. Египтологические публикации еще иногда им выпускаются, но перемена специальности уже очевидна.

Из этих поздних публикаций египтолог должен читать и его доклад 1934 г. как единственное изложение его взглядов на социально-экономическое развитие Египта (разумеется, лишь в ряду с другими обществами Востока), дальнейшие части труда о Манефоне, статью о восстании в Египте при Дарии I, а также очерк о деятельности В. С. Голенищева.

Последняя работа В. В. Струве (наблюдения над папирусом Солт 825) была по египтологии.

О. Д. Берлев